

ПРОГРЕССИВНЫЕ ФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Тезисы доклада*

ГЛАЗЬЕВ СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии наук, советник Президента Российской Федерации по вопросам региональной экономической интеграции

Традиционно считается, что мы живем в век глобализации, когда стираются национальные границы, господствует мировой международный капитал, который свободно перемещается между странами. Сами страны теряют суверенитет даже над своими территориями, все больше «прогибаясь» под натиском транснациональных корпораций, конкурируют друг с другом за максимально благоприятные условия доступа транснациональных корпораций на свои рынки.

Что скрывается под словами «международный капитал»? В значительной степени — американоцентричный капитал от американских корпораций. Доля доллара в международных финансовых транзакциях составляет порядка 80%, хотя устойчиво снижается. Аналогично в общем объеме транснационального капитала примерно 80% занимают американские транснациональные корпорации. В сочетании с Европейским союзом и Японией мы имеем дело не просто с международным капиталом, а с капиталом, который держит четкую привязку к Федеральной резервной системе США, обеспечивающей эти транснациональные корпорации безграничным потоком кредитов. Так, например, в 2007 г. Федеральная резервная система (ФРС) США внесла в десятку крупных корпораций (среди них *DeutscheBank*) по 500 млн долл. и больше. Поэтому уместно говорить

об экспансии капитала, понимаемой в связке с ядром: США, ФРС, Европейский союз (ЕС), Европейский центральный банк (ЕЦБ). Последний также печатал и продолжает печатать триллионы евро. При этом показательно (с точки зрения политики российских денежных властей), что деньги системообразующим предприятиям предоставляются практически под отрицательный процент в неограниченном количестве, как, например, в Японии.

Таким образом, транснациональные корпорации, привязанные почти исключительно к трем эмиссионным центрам — США, Европы и Японии, составляют тот мировой порядок, который мы привыкли называть глобализацией.

Подвергнуть сомнению тезис о том, что глобализация является перспективной, доминирующей и почти окончательной формой мирового экономического развития, решались немногие. Однако в 2007 г. эта модель дала сбой, причем в самом ядре. Как вы помните, лопнули крупнейшие американские инвестиционные компании, обесценилась значительная часть капитала, американские пенсионеры потеряли не менее 1/3 своих пенсионных сбережений. Это был серьезный удар именно по ядру мировой экономической системы, и многие начали говорить о кризисе капитализма, о том, что он заканчивается, и мы переходим к совсем новому состоянию глобальных

* Выступление академика С.Ю. Глазьева на XXIV ежегодном собрании членов Международного союза экономистов «Прогрессивные формы международной экономической интеграции», которое состоялось 4–13 января 2015 г. на о. Бали (Республика Индонезия), публикуется с сокращениями. Полный текст напечатан в «Научных трудах Вольного экономического общества России» (в совместном издании с Международным союзом экономистов).

производственных отношений. Делалось много апокалиптических прогнозов. Сейчас ситуация успокоилась. Программа количественного смягчения: «заливание» экономик ядра мирового капитализма безграничными и очень дешевыми кредитами (например, в экономике ЕС было размещено 4–5 трлн евро) обеспечила стабилизацию в финансовом секторе, но серьезного экономического роста от этой политики не последовало. При этом сохраняются главные предпосылки финансового кризиса: финансовая пирамида примерно в 1 квадрант долларов и система деривативов продолжают воспроизводить экспоненциальный рост американского государственного долга. Таким образом, эта система сохраняет свою углубляющуюся диспропорцию, и расчет на то, что многомиллиардные вливания денег обеспечат переход к новому технологическому укладу, оправдывается лишь частично. Определенный переход к новому технологическому укладу заметен: его ядро, составленное из комплекса биоинженерных технологий, нанотехнологий, информационно-коммуникационных технологий растет с темпом порядка 35% в год и выше. Идут революционные технологические преобразования, кардинально повышается экономическая эффективность, достигаемая во многом благодаря повышению энергетической эффективности. Мир выходит на траекторию достаточно устойчивого с точки зрения природопользования развития, где качественно падает энергоемкость производства. Именно в силу внедрения обозначенного выше комплекса технологий в большом количестве отраслей мы наблюдаем падение спроса на углеводороды, заметный рост гелиоэнергетики, которая по удельной стоимости единицы генерации уже начинает превосходить тепловую энергетику. Конструкционные материалы с использованием нанотехнологий с повышенной износостойкостью и повышенными прочностными характеристиками десятикратно эффективнее, чем обычные материалы. Таким образом, передовые страны переходят на качественно новые технологические траектории с гораздо лучшими показателями эффективности, измеряемой в энерго- и материалоемкости.

Вместе с тем страны Запада не являются здесь лидерами, хотя с точки зрения

фундаментальных и поисковых исследований они генерируют основной поток инноваций. На выходе они проигрывают в экономическом соревновании набирающим силу странам Востока — Китаю, Индонезии, Малайзии, Вьетнаму, Корее, Японии. Отчетливо наблюдаемый тренд позволяет многим специалистам, занимающимся долгосрочными процессами в экономике, говорить о перемещении ядра мирового экономического развития в Азию. Если использовать термины так называемых вековых циклов накопления, которые определяют глобальные сдвиги в моделях экономического устройства, это означает переход капитализма к принципиально новой системе производственных отношений, которая существенно отличается от прежней, сформированной в предыдущем «американском цикле» накопления капитала.

Это не первая трансформация за 500-летнюю историю капитализма. Если современная американская модель капитализма характеризуется господством финансовой олигархии и связанного с ней транснационального капитала, и господство это зиждется на эмиссии мировых денег в интересах частного капитала (прежде всего американской финансовой олигархии, связанной с ФРС США), то азиатская модель отличается тем, что главное внимание уделяется росту производства. Мы наблюдаем сочетание стратегического планирования и рыночной самоорганизации, причем последняя допускается государством достаточно широко, но безгранично. Частно-государственное партнерство в азиатской модели идет под долгосрочные цели социально-экономического развития, которые формируются государством от имени общества через диалог с бизнесом и научным сообществом. Симбиоз государства и бизнеса проявляется в том, что государство обеспечивает через собственность на инфраструктурные отрасли доступ бизнеса к широким возможностям с точки зрения транспорта, эксплуатации природных ресурсов, энергетической инфраструктуры. И, сохраняя контроль над инфраструктурными отраслями, дает свободу предпринимательства в тех отраслях, где частный капитал может показать максимальную эффективность.

Чрезвычайно важный элемент азиатской модели — это государственный контроль над базовыми ценностями. Государство гарантирует низкую процентную ставку и доступ к долгосрочному кредиту. Это требует достаточно серьезных норм валютного и налогового регулирования и контроля. В этой модели государство обеспечивает для бизнеса поток дешевых долгосрочных кредитов на перспективу до 10–15 и даже 20 лет, как это происходит в Китае и Японии. При этом спекуляции, приносящие сверхприбыли на дестабилизации экономической ситуации и выводе экономики из состояния устойчивого развития в состояние турбулентности, не допускаются.

Идеология либеральной глобализации сменяется идеологией устойчивого развития. Мы являемся свидетелями формирования новой парадигмы глобального экономического сотрудничества, которая опирается на особенности азиатской модели. Она не является жестко заданной: каждая из стран ядра азиатского цикла накопления капитала имеет свою специфику, свои отличительные особенности. Но общим является подход к регулированию производственных отношений, слаженность в триаде «государство–бизнес–общество». Япония — это страна классического капитализма, где доминирует частная собственность, Китай до сих пор называется социалистической страной с рыночной экономикой, тем не менее такие инвариантные черты проявляются достаточно ярко.

Учитывая, что одновременно со сменой вековых циклов накопления мы проходим через смену технологических укладов, нет сомнения, что азиатские страны вырываются вперед, и, при всех кажущихся сегодня преимуществах США и ЕС, они эту гонку выигрывают. С точки зрения длинных циклов экономики эти страны не могут ее не проиграть, поскольку новая система производственных отношений, формирующаяся сегодня в азиатских странах, опирается на создание и развитие перспективных технологий, составляющих ядро нового технологического уклада. К перечисленному «костяку» нового векового цикла накопления я присоединил бы Индию, где также присутствуют и стратегическое планирование, и государственная собственность на инфраструктуру,

и широкая свобода бизнеса при соблюдении общих норм пристойности. Названные страны вырываются вперед не только в связи с формированием ими новой системы производственных отношений, более эффективной, чем американская модель капитализма, но и потому, что на новой, длинной волне экономического роста они получают гигантские преимущества.

Важно подчеркнуть, что смена технологических укладов — это всегда огромные риски, и частный капитал не может обходиться без помощи государства. При их смене государство берет на себя функцию долгосрочного прогнозирования, снижения рисков посредством целевых государственных программ, льгот для подъема инновационной активности и, самое главное, обеспечивает государственный спрос. В отличие от американоцентричной модели либеральной глобализации, где государству особенно не разрешается вмешиваться в экономику, за исключением вопросов национальной безопасности и обороны, азиатская модель дает государству широчайшие возможности в плане стимулирования долгосрочных инвестиций, инновационной активности. В этом смысле сочетание азиатской модели с возможностями перехода на новый технологический уклад открывает этим странам новые возможности для рывка. Они на наших глазах совершают экономическое чудо, причем их развитие идет даже быстрее самых оптимистичных сценариев. Сегодня объем ВВП Китая по паритету покупательной способности, экспорту наукоемкой продукции превзошли американский. Китай имеет самую большую в мире армию ученых, по объему научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) в Китае тоже идет взрывной рост.

Уместно сказать, что новый технологический уклад предполагает объективно больший вес государства, чем предыдущий. Главным потребителем нового технологического уклада является сфера непромышленного назначения: здравоохранение (становится самой большой отраслью экономики с ростом около 20% ВВП в период зрелости), образование и наука. В совокупности они будут давать примерно 40% ВВП. В этих отраслях доля государства намного больше, чем в сфере материального производства. Считается, что в здравоохранении

оптимальным является государственное участие не ниже 50%, в образовании — не ниже 70%, в науке — от 50%. Получается, что объективно азиатская модель выглядит более адекватной по отношению к потребностям нового технологического уклада.

Возникает вопрос: каковы прогрессивные формы интеграции в связи с переходом к новому циклу накопления и новому технологическому укладу? В период глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. заговорили о переходе к новой глобальной финансовой архитектуре. Под этим понимался переход к поливалютной мировой финансовой системе, где каждому центру развития соответствует своя резервная или доминирующая валюта. Список этих валют, наряду с долларом и евро, будет пополнен юанем. Китай обходил деликатно эту тему, но тайком создал свою собственную глобальную систему расчетов через валютно-кредитные свопы.

Вопрос «будет ли рубль среди этих мировых валют?» остается открытым. Мы прилагаем максимум усилий для того, чтобы рубль стал валютой прямых расчетов с нашими соседями и партнерами по евразийской интеграции. Я думаю, что Индия тоже будет расширять зону использования своей валюты. Можно упомянуть еще МЕРКОСУР с его планами по переходу к валютному союзу и расчетам в национальных валютах. Таким образом, мир фрагментируется. Меняется и надстройка. Если роль предыдущей надстройки играл клуб G-7, то сегодня это уже G-20, и внутри последнего все большую роль играют страны БРИКС, которые начинают оформлять свою интеграцию в совместных валютно-финансовых структурах.

«Большая двадцатка», собственно, замышлялась американцами и европейцами как некая подпорка для себя, поэтому они делали вид, что не слушают настойчивые призывы Китая, Индии и Бразилии изменить долю в Международном валютном фонде и Мировом банке. Но, постучавшись много раз в эти двери и не получив должного ответа, страны БРИКС, уже с участием России, создают свои международные валютно-финансовые структуры, которые призваны поддержать совместные инвестиционные проекты, стратегические планы и, самое

главное, процесс перехода на расчеты в национальных валютах.

Очень важным элементом новой мировой финансовой архитектуры является взаимовыгодность. Подход, основанный на принципах добровольности и невмешательства в политические дела друг друга, четко реализуется на практике в Евразийском экономическом союзе. Аналогичным принципам привержены партнеры по БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Словом, модель интеграции развивающихся стран строится на уважении не только культурного, но и экономического своеобразия партнеров.

Идеология Вашингтонского консенсуса, напротив, предполагает отказ стран от суверенитета, во всяком случае, экономического: от валютного регулирования и контроля, управления кредитом в пользу обеспечения свободного трансграничного перемещения капитала. Эта идеология, по сути, обеспечивает «метрополии» право контролировать финансовый рынок и финансовую систему транснациональным банкам, связанным с международными эмиссионными центрами.

Принято считать, что Европейский союз — это образец интеграционного строительства в современном мире. Действительно, мы активно использовали положительный европейский опыт при формировании Таможенного союза (общего рынка товаров). Однако на наших глазах буквально за последнее десятилетие ЕС из эталонного примера, завершено по всем параметрам интеграционного объединения, превратился в увесистую неповоротливую бюрократическую империю, подмявшую любые попытки стран-участниц заявить свою суверенную позицию, отличную от позиции наднациональной брюссельской бюрократии. Страны, вошедшие в состояние конфликта с ЕС, находятся под внешним управлением, что выражается в назначении ничего не решающих технических правительств в Италии, Испании, до последнего времени в Греции. На диктат европейских институтов наслаивается прессинг США, изо всех сил пытающихся навязать ЕС модель неравноправных отношений путем лоббирования создания трансатлантической зоны свободной торговли.

В самом Европейском союзе доминируют крупные корпорации, которые больше связаны

с американским капиталом, чем со странами происхождения. Особенно это касается Восточной Европы, которая лишилась своей национальной банковской системы и экономика которой была практически поглощена транснациональными корпорациями.

На примере Украины мы видим различие европейской и евразийской моделей. В отличие от эмиссаров ЕС, принципиальной позицией российского руководства и наших партнеров по Единому экономическому пространству (ЕЭП) является приглашение в объединение исключительно на добровольной основе. Напомню, участие в Таможенном союзе давало бы Украине возможность до 2020 г. поднять на 15% объем экономической активности и по объему ВВП выйти к 2030 г. примерно на 7–8% большему уровню, чем при сценарии отказа от евразийской интеграции. При этом важно понимать, что для Украины участие в Таможенном союзе означало опережающее развитие отраслей обрабатывающей промышленности, машиностроения, агропромышленного комплекса, химической промышленности, в то время как участие в ассоциации с ЕС никаких плюсов не дает. Участие Украины в ассоциации с Евросоюзом — это неравноправное участие. В отличие от нашей модели интеграции, модель объединения с ЕС лишает ассоциированного члена всех прав. Таким образом, Украина приняла на себя обязательства выполнять директивы ЕС по всем сферам регулирования (таможня, торговля, финансовое и техническое регулирование), но при этом не имеет возможности влиять на принятие решений. Фактически после подписания соглашения об ассоциации управление экономикой Украины перемещается в Брюссель. Европейской бюрократией отмечены все наши попытки договориться о гармоничном, недискриминационном сотрудничестве в треугольнике «Россия–ЕС–Украина».

Итог — все то, о чем десятилетие предупреждали ученые Российской и Украинской академий наук: чудовищная катастрофа с дефолтом, резкое падение уровня жизни, разорение, остановка большинства машиностроительных предприятий, отсутствие сколько-нибудь осязаемой перспективы.

Хочу подчеркнуть, что евразийская экономическая интеграция — живой, развивающийся, динамичный процесс. Поставленная в 2000 г. задача выполнена — создано дееспособное привлекательное экономическое объединение с понятными правилами игры и уважительным подходом к суверенитету друг друга.

Убежден, что, в конечном счете, Европейскому союзу придется договариваться с нами, формировать взаимоприемлемую модель сотрудничества между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и ЕС. Если бы не американский фактор, этот вопрос мы давно решили. Европейцы охотно идут с нами на переговоры, в отличие от американцев, которые до сих пор не замечают ЕАЭС. В ЕС же не ставят под сомнение наш интеграционный процесс. В 2015 г. мы планируем продвинуться по пути формирования зоны свободной торговли между ЕАЭС и Европейской ассоциацией свободной торговли (ЕАСТ), включающей ряд стран, не входящих в ЕС, но имеющих с его членами отношения свободной торговли.

После визита Президента России в Турцию перспективной выглядит идея по формированию преференциального режима с этой страной. В конечном счете, есть основания полагать, что мы сможем реализовать идею В.В. Путина о формировании единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока, скорее всего, с участием Китая и, с высокой долей вероятности, других стран азиатского цикла накопления капитала. Интенсифицированы консультации по созданию зоны свободной торговли ЕАЭС с Индией.

Однако в плане внутренней экономической политики Россия по-прежнему находится в заложниках у догм вашингтонского консенсуса и не в состоянии дать мощный иницирующий импульс не только международному сообществу, но и самой себе. Ярчайшее тому доказательство — возникший у нас на пустом месте кризис. Отринув догмы и неработоспособные модели, нам следует срочно взять на вооружение азиатскую модель, ввести действенные механизмы стратегического планирования, управления научно-техническим прогрессом и получить темпы роста до 10% в год.